

ОБРЕСТИ СЕБЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ¹

М.Ф. Быкова

*Университет Северной Каролины (США,
Институт философии РАН*

Аннотация: Откликаясь на творческий проект по воссозданию динамики истории отечественной философии через призму деятельности сменяющих друг друга поколений философов, данная статья обращается к поколению восьмидесятников, тех, кто вступил в сознательную профессиональную жизнь в конце 1970-х – середине 1980-х годов. Цель статьи в том, чтобы хотя бы пунктирно обозначить основные идеи, поиски и стремления, ставшие основополагающими для этого философского поколения, к которому автор относит и себя. Разговор о философском поколении восьмидесятников предваряется подробным обсуждением теории поколений, разработанной в 1990-е годы американскими историками Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом и получившей широкое распространение в современной философии истории. Автор также размышляет о феномене философских поколений и оправданности использования данного понятия в качестве критерия развития философской мысли в определенный период времени, совпадающий с временными рамками опыта философствования одного поколения. Предлагаемый анализ основных характеристик философского поколения восьмидесятников является во многом результатом собственных авторских рефлексий на ее личный опыт философской работы и погружения в мысль.

Ключевые слова: теория поколений, Уильям Штраус, Нил Хоув, философское поколение, неизвестное поколение, поколение странников, перестройка, гласность, XVIII Всемирный философский конгресс в Брайтоне, И.Т. Фролов.

История философии занимает центральное место в философских исследованиях нашего времени, оказывая существенное влияние не только на наше понимание исторического разворачивания опыта философствования, но и на разработку новых идей и подходов к насущным проблемам современности. Неслучайно вопрос о способах типологизации истории философии остается ключевым методологическим вопросом философской науки. Известны различные попытки классификации историко-философского процесса – от узких периодизаций, прослеживающих развитие определенных проблем или специфических подходов к филосо-

¹ Первая публикация была осуществлена в издании: Быкова М.Ф. Обрести себя: штрихи к портрету моего поколения. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 627–656.

фии, объявляемых господствующими в тот или иной исторический период, до более широких типологий, ставящих историю философии в общую связь с развитием цивилизации и культуры человечества. И хотя ни одна классификация не способна всецело отразить живую динамику процесса развертывания философского знания, некоторые из предложенных типологий представляют существенный интерес как с эвристической точки зрения, так и в аспекте обнаружения наиболее значимых тенденций развития философии на протяжении всей ее многовековой истории или в какие-то конкретные периоды. При этом определяющим является вопрос о критериях или способах, которые должны быть положены в основу систематизации истории философии.

В этом смысле проект о философских поколениях, как мне кажется, являет собой продолжение данных поисков, которые теперь предстают в новом, нетрадиционном ракурсе. Замысел проекта состоит в том, чтобы попытаться воссоздать (и в каком-то смысле, хотя бы пунктирно, обозначить) историю отечественной философии посредством реконструкции тех объединяющих интеллектуальных, ценностных и теоретических ориентиров, которые присущи определенным поколениям философов. При этом речь идет о наиболее приближенном к нам историческом периоде, а именно отрезке времени, непосредственно совпадающем с временными рамками жизни самих авторов. Иными словами, речь идет о попытке изложить историю развития отечественной философской мысли ее непосредственными участниками с помощью воссоздания разнообразных дискурсов философского поиска, характерных для различных философских поколений.

Даже для не совсем сведущих во всех перипетиях творческой мысли нетрудно понять амбициозность и трудоемкость данного замысла, и особенно в силу того, что авторы данного реконструктивного проекта оказываются внутри того философского дискурса, который сам выступает предметом их непосредственного исследования, являясь не только участниками, но также и со-творцами смыслов, сформированных в динамике философского творчества их собственного поколения и исторического времени. Такой взгляд «изнутри», без необходимой временной дистанции, кажется противоречащим всем принципам исторического исследования, будь то эмпирическая история (цивилизации и культуры) или историческая рефлексия над развитием самой философии. И все же мне представляется данный замысел не только заманчивым и будоражащим мысль, но и перспективным, особенно в смысле обозначения структурной модели интеллектуальной жизни конкретного философского поколения и определения долговременных связей, объединяющих эпохи и простирающихся сквозь время и сменяющуюся череду поколений. И хотя задача воссоздания общей картины развертывания философского знания через связь поколений и многообразные формы их философствования, конечно, выходит за ограниченные рамки одной статьи и может быть результатом только совместных усилий многих авторов, я вижу свою цель в том, чтобы попытаться представить штрихи к портрету моего философского поколения и хотя бы пунктирно обозначить те основные идеи, поиски и стремления, которые стали основополагающими для нас, его представителей. Однако прежде чем перейти к характеристике того поколения, с которым я себя ассоциирую, мне представляется необходимым определить некоторые основополагающие понятия и концепции, которыми мне предстоит оперировать. Поэтому я начну с обсуждения так называемого поколенческого подхода, весьма распространенного в современной философии истории; затем поговорю о феномене философских поколений и оправданности использования данного понятия в качестве критерия развития философской мысли в определенный период времени, совпадающий с временными рамками опыта философствования одного поколения; и только после этого я попытаюсь кратко – широкими мазками – хотя бы отчасти воссоздать портрет моего собственного поколения философов, главным образом опираясь на мой личный опыт философской работы и погружения в мысль.

1

Интерес к исследованию роли и места поколений в объяснении истории не есть нечто принципиально новое. Первые упоминания понятия «поколение», а также ссылки на его значение для понимания процесса исторической преемственности можно обнаружить уже в работах Платона. Однако функциональную роль для описания истории понятие «поколение» приобретает только в эпоху Просвещения, и такое применение связано, прежде всего, с именем итальянского философа Джамбаттиста Вико, заложившего в своих работах основы разделу знания, именуемого сегодня культурной антропологией. Именно Вико впервые сформулировал мысль о том, что общество развивается по своим собственным внутренним принципам и законам, не зависящим от божественной воли или священной истории мироздания, и что социальная динамика определяется процессом смены поколений. Как истинный мыслитель эпохи Просвещения, Вико ассоциировал прогресс в развитии общества с разумом и познанием. Он понимал историю как сменяющуюся преемственность поколений, связанных единством законов разума и ростом рационального знания. Эти положения получили свое дальнейшее развитие в рамках философии истории, которая берет свое начало с конца восемнадцатого века, эпохи осмысления итогов первых буржуазных революций в Европе. Именно тогда возникают классические концепции объективного исторического процесса, а также прогрессивистские теории поступательного социального развития. Для начала двадцатого века характерно принципиальное различие и разведение теорий исторического процесса и исторического познания. В результате на фоне постепенного угасания роли классической исторической онтологии (здесь достаточно вспомнить работы Шпенглера и Тойнби, в которых исторический процесс уже предстает радикально дефрагментированным) набирают силу исследования сущности исторического познания. Особый стимул развитию исторической эпистемологии был дан неокантианством. Поставив под сомнение господствующую теорию объективного исторического процесса, Вильгельм Виндельбанд, Генрих Риккерт и их последователи выдвинули идею о специфике исторического, а в широком смысле – и всего гуманитарного познания и попытались нащупать его отличительный метод, не совпадающий с естественно-научным (сциентистским) способом освоения реальности [См.: Rickert 2013; Rickert 1926; Windelband 1915a; Windelband 1915b]. Поиски такого особого метода привели уже Макса Вебера к заключению о необходимости расширения границ классической научной рациональности. Историческая наука оказалась выведенной за пределы действия универсальных научных закономерностей, что в определенном смысле повредило ее репутации среди ученых-естественников, породив их скептическое к ней отношение. Однако одновременно это позволило привлечь внимание к специфике гуманитарного знания и его отличию от естественно-научного.

Последующая трансформация исторической эпистемологии обнаружила серьезный дефицит теорий, которые могли бы лечь в основу исторического объяснения. Предпринятые в двадцатом веке попытки толкования историчности не только дезавуировали базовые концепции философии истории, но и оказались несостоятельными с точки зрения выработки какой-либо успешной типологии истории. Здесь достаточно вспомнить феноменолого-герменевтическую концепцию внутреннего историзма субъекта, сформулированную Гуссерлем и специфически развитую Хайдеггером. Хотя данная концепция максимально расширяла границы историчности, глобальная историчность субъекта отнюдь не позволяла разрешить классические проблемы социальной истории. Неудачной оказалась и предпринятая в аналитической философской традиции попытка построения рациональной объяснительной структуры по типу причинно-следственной связи. Изначально данная структура исторического объяснения рассматривалась философами-аналитиками как комплекс высказываний, наподо-

бие тех атомарных высказываний, которые были предметом исследования Витгенштейна и Рассела [Russel 1956: 323–343]. Однако впоследствии границы объяснительной структуры расширились до всего текста и сам метатекст и его концептуальный дискурс (литературный нарратив) стали предметом пристального изучения. В 1970–1980-е годы использование нарративистской методологии в историографии получило бурное развитие в аналитической и континентальной традиции [White 1973; Ricoeur 1984; 1985; 1988. См. также: White 1987]. Нарративистский проект был объявлен перспективным направлением исторической эпистемологии, и именно с ним связывали надежды на развитие историографии и гуманитарного познания в целом. На протяжении более двух десятилетий исследователи пытались создать так называемую типологию исторических тропов. Если коротко, то речь шла об использовании формалистской методологии для изучения истории и разработке теории (тропологии), делающей упор не на выяснение смысла истории, а на выработку риторики (тропов) написания истории, где последняя представляла в форме нарративов.

Однако совсем скоро стала очевидна несостоятельность данного проекта, ибо система исторических нарративов требовала признания существования некоей связующей идеи, лежащей в основе самих нарративов и обеспечивающей целостность их восприятия. При этом данная идея не подлежала никакому рациональному (логическому) объяснению, что влекло за собой массу спекуляций. Неудивительно, что главные идеологи современной нарратологии, Поль Рикер и Франклин Анкерсмит, вынуждены были в результате признать необходимость интуитивистского (или даже религиозного) решения ключевой проблемы. Источником неудач исторической эпистемологии стала попытка подчинить историю целям построения самостоятельных учений и концепций, которые должны были якобы объяснить логику развертывания исторического процесса. Главным становился не объективный смысл истории, а соответствие того или иного «тропа» нарративному замыслу, выступающему основным принципом объяснения истории. Иными словами, упор делался на принцип, а не на эмпирический исторический материал.

Поэтому неслучайно, что в 1990-е годы на передний план выходят теории, основанные на эмпирически выводимых и проверяемых закономерностях. А поскольку главной особенностью эмпирических исследований является поиск повторяющихся с определенной регулярностью паттернов, то наблюдается массовое возвращение к циклическим моделям.

Отсюда – возрождение интереса к феномену смены поколений, который объявляется чуть ли не основным критерием цикличности истории. И действительно, именно поколенческий подход является сегодня едва ли не наиболее распространенным и часто используемым приемом при обращении к социальной истории и изучении закономерностей ее развития. Суть данного подхода состоит в объяснении исторической и социальной динамики через процесс взаимодействия и смены поколений. Он был впервые сформулирован двумя американскими историками – Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом – в их совместной книге «Поколения: История будущего Америки, 1584–2069 годы», опубликованной в 1991 году [Strauss, Howe 1991]. Данная работа, первая в серии из пяти книг², посвященной поколенческому подходу, представляет историю США как последовательность англо-американских биографий поколений начиная с 1584 года и по настоящее время. Основной тезис авторов состоит в том, что в американской истории можно увидеть и проследить теоретически повторяющийся цикл поколений. Именно данная цикличность и становится предметом обсуждения Штрауса и Хоува, которые постулируют модель из четырех повторяющихся фаз, типов поколений, а также с определенной периодичностью возобновляющихся этапов духовных пробуждений и светских кризисов, прослеживаемых начиная с колоний-основателей Америки и до

² Последующие четыре книги, помимо указанного ниже тома 1997 года, также включали: Strauss, Howe 1993; 2000; 2007.

наших дней. По их мнению, история США движется по 80–90-летним циклам³, а поколения проходят через 20–22-летние периоды влияния или эры, называемые поворотами. В циклах есть взлеты и падения, чередующиеся с крупными историческими кризисами, такими как Американская революция, Гражданская война и Вторая мировая война. Каждое из четырех поколений, определяющих конкретный цикл, воплощает фундаментальные характеристики, и эти характеристики повторяются на протяжении всей истории.

В своей книге 1997 года «Четвертый поворот» авторы расширили свою оригинальную теорию, включив дополнительный материал как по истории Северной Америки, так и по всемирной истории. Сосредоточив внимание на четвертом цикле американской истории (совпадающей с периодом образования США), они описали типологию поколений и повторяющихся эмоциональных дискурсов, характерных для этой эры [Strauss, Howe 1997]. Одновременно авторы также изучили поколенческие тенденции в других частях мира и описали аналогичные циклы в нескольких развитых странах [Ibid.: 119–121], что придало их теории некий универсальный характер.

Сразу оговорюсь, что теория поколений Штрауса-Хоува вызвала весьма неоднозначную реакцию в академической среде. В то время как некоторые приветствовали четкую и ясную типологизацию истории на основе поколенческого подхода, многие критиковали теорию поколений как чрезвычайно детерминистскую, несостоятельную и не подкрепленную строгими доказательствами⁴. Ряд историков и журналистов открыто заявили о «лженаучном» характере теории [Fernholz 2017], определив ее как «тщательно продуманный исторический гороскоп, который никогда не выдержит научного доказательства» [Alter 1991]. Один из наиболее сильных аргументов академической критики, имеющий непосредственное отношение к обсуждаемой в данной статье проблематике, состоял в упреке авторов теории в типологизации истории в соответствии с принадлежностью к тому или иному поколению, в результате чего поколенческая классификация становилась более значимой, нежели классификация по иным признакам, таким как, например, принадлежность к тому или иному экономическому классу, расовая типологизация, различие по полу, по религиозным или политическим взглядам [Lamb 1991]. Как бы то ни было, модель Штрауса и Хоува стала очень популярной в маркетинговых исследованиях, а впоследствии появились попытки ее использования в исследованиях в области экономических и других социальных дисциплин. Однако непосредственное применение поколенческих циклов к чему-то отличному от стиля в одежде и вкусов в искусстве сразу привело к ряду серьезных проблем. Не только резко возросла степень погрешности объяснений, но также стало ясно, что поколенческий подход если и обладает какой-то предсказательной силой, то весьма незначительной. Все это только укрепило скептицизм и недоверие в аспекте ее теоретической и практической ценности.

И все же я рискну утверждать, что поколенческий подход может иметь важное значение для объяснения феномена историчности, а также способен быть функциональным при описании объективно-закономерных процессов истории, включая историческое развитие знания, в том числе философского. Это, однако, не означает, что его автоматическое применение позволит получить искомый результат. Как и всякая обобщающая методология, он требует уточнения в приложении к конкретному материалу, коим для нас является процесс философского познания. Более того, в данном случае речь должна идти не просто о понятии

³ Авторы называют полный цикл «естественным столетием», используя для этого латинский термин *saeculum*, означающий период времени, примерно равный потенциальной жизни человека или, что то же самое, полному обновлению человеческой популяции [Strauss, Howe 1997: 14–15]. О значении термина «*saeculum*» см.: Dunning, Bilynskyj 2012: 1338–1339.

⁴ См., например, статьи в весьма уважаемых изданиях: Brooks 2000 и Hoover 2009; а также отзыв на первую книгу Штрауса и Хоува: Jones 1992: 218; Fernholz 2017; Alter 1991; Lamb 1991.

«поколение» вообще, а о философском поколении, группе людей, жизнедеятельность которых не просто выпадает на один и тот же период времени, а которые, кроме того, являются непосредственными созидателями, творцами философских смыслов и философского дискурса своей эпохи. Такое уточнение я попытаюсь предпринять в следующем разделе статьи, но прежде чем перейти к обсуждению темы философского поколения, позволю себе коротко остановиться на понимании поколения Штраусом и Хоувом.

В данном случае меня не интересуют детали применения концепции поколений к описанию социальной динамики и построению моделей истории. И не только потому, что именно практическое применение теории поколений остается во многом проблематичным и недостаточно проработанным, вызывая наибольшие споры среди специалистов. Объяснение сущности исторического процесса в значительной степени относится к непосредственной проблематике философии истории и выходит за рамки настоящего рассмотрения. Для наших же целей важно выяснить, что Штраус и Хоув вкладывают в понятие поколения и каковы те закономерности, которые они зафиксировали в смене поколенческих архетипов. Кроме того, интерес представляют способы выделения самих поколенческих структур, а также принципы определения их хронологических рамок. Прояснение данного круга вопросов позволит более точно раскрыть концептуальный смысл понятия «философское поколение», а также выявить его инструментальную роль при описании динамики развития философского знания.

Прежде всего важно понять, в каком смысле Штраус и Хоув употребляют понятие «поколение»? Традиционно поколение определяется как совокупность людей, родившихся и живущих примерно в одно и то же время, под коим понимается определенный исторический период. Временной цикл поколения составляет 20–30 лет, в течение которых родившиеся дети вырастают, становятся взрослыми и заводят своих собственных детей, сами становясь родителями. Таким образом, это структурный термин, обозначающий природную динамику связи между родителями и детьми. В биологических науках данная связь определяется как биогенез, воспроизводство или деторождение. В отличие от этого, Штраус и Хоув используют термин «поколение» как социальную категорию, совпадающую по содержанию с применяемым в социологии и других социальных науках понятием когорты, обозначающим группу субъектов, имеющих общие характеристики и объединяемых опытом каких-то значительных событий, происходящих в исторический отрезок времени, совпадающий с периодом их собственной жизнедеятельности.

У Штрауса и Хоува социальное поколение определяется как совокупность всех людей, рожденных примерно в течение двадцати с небольшим лет и чей жизненный ритм примерно совпадает по фазам жизни, состоящим из детства, юношества, среднего возраста и старости. Поколения идентифицируются (от года рождения до последнего года жизни) путем поиска когортных групп, измеряемых по трем критериям. Во-первых, представителей одного поколения связывает то, что авторы называют *возрастным местом в истории* (*an age location in history*): они переживают ключевые исторические события и определенные социальные тенденции, находясь на одном и том же этапе жизни, в одном и том же возрасте. В этом смысле представители поколения формируются эпохами, с которыми они сталкиваются в детстве и юношестве. Это, в свою очередь, приводит к тому, что, во-вторых, представители одного поколения имеют определенные *общие убеждения и ценности*, им присущи *единые поведенческие структуры*. И наконец, в-третьих, осознавая общность пережитых событий и опыта, а также схожесть черт характера со своими непосредственными сверстниками, их объединяет *острое чувство принадлежности* к данному поколению [Strauss, Howe 1991: 58–68].

Иными словами, согласно Штраусу и Хоуву, социальное поколение не столько определяется чисто возрастными показателями (исключительно годом рождения или примерно одинаковым возрастом), сколько схожей системой ценностей, формирующейся под влиянием

общественных, политических и социальных событий, экономических и технологических прорывов, а также определенного типа воспитания в семье и обществе (и прежде всего через существующую в данный период систему образования). Мы сами можем не замечать присутствия данных ценностей. Действуя незаметно, они во многом определяют наше поведение, а именно то, как мы общаемся друг с другом, как решаем конфликты и строим отношения с другими, как развиваемся, каковы наши предпочтения в еде и одежде, выборе и манере покупок, что и как нас мотивирует, что является важным в жизни, каковы наши цели и как мы их формулируем, что мы ценим в других, каковы критерии нашего общения с людьми и т. д.

В соответствии с теорией Штрауса – Хоува в настоящее время можно обнаружить пять поколений, которые состоят в различных общественных отношениях (семейно-родственных, социальных и т. д.) и потому сложным образом взаимодействуют друг с другом. Самое старшее из ныне живущих и действующих поколений – это поколение людей, рожденных в 1923–1943 годах⁵. Его обычно именуют «потерянным» или «молчаливым» (*silent generation*) поколением, чья система ценностей сформировалась до 1953 года под влиянием таких событий, как Великая депрессия 1930-х годов, Вторая мировая война, послевоенное восстановление разрушенных стран и экономик и связанные с этим политические и социальные перипетии. К ценностным установкам данного поколения принадлежат преданность, терпение, честь и достоинство, следование правилам и уважение к статусу и авторитетам. За потерянным поколением следует поколение демографического взрыва, беби-бумеров (*Baby Boomers*), рожденных в 1943–1963 годах и воспитанных на ценностных ориентирах, господствующих до 1973 года. Экономические и социальные прорывы в жизни общества (освоение космоса, значительные медицинские открытия, разработка новых систем и методик образования и т. д.) оказали решающее влияние на формирование поколения с психологией победителей, чьи основные ценности включают оптимизм, идеализацию коллективного начала (коллективизм), веру в силу разума и государственное управление, уверенность в будущем и заинтересованность в личностном процветании, как с точки зрения собственного развития, так и в аспекте вознаграждения и упрочения своего профессионального и финансового положения.

Три последующих поколения – это ныне часто обсуждаемые поколения X, Y и Z. Поколение X (или Иксеры), которое Штраус и Хоув считают 13-м в череде сменяющихся поколений и называют «неизвестным», по их классификации состоит из людей, рожденных в 1963–1983 годах и сформировавшихся до 1993 года в динамично изменяющемся мире под влиянием таких событий, как продолжение холодной войны, развязывание войны в Афганистане, распространение СПИДа и широкая доступность и применение наркотиков. Будучи «детьми с ключом на шее», люди, рожденные в тот исторический период времени, с детства привыкли всё делать самостоятельно: будучи школьниками, они сами (без участия родителей) приходили из школы домой, сами находили чем занять себя во внеурочное время и сами же успешно организовывали свою внешкольную деятельность (занятия музыкой, участие в спортивных секциях и клубах по интересам). Неудивительно, что основная отличительная черта этого поколения – самостоятельность, но также уверенность в себе и индивидуализм как реакция на современный им социум, мало располагающий к коммунальности и коллективизму. Типичные характеристики Иксеров: образованность (означающая не только наличие хорошего уровня образования, но также основательную просвещенность и культуру), готовность к изменениям, глобальная информированность (включая глубокое понимание мировых

⁵ Иногда еще указывают на наличие шестого, более старшего («величайшего») поколения, рожденных в 1900–1923 годах. Однако на сегодняшний день в живых остались лишь единицы из тех, кто относится к данному поколению, и в силу их значительного возраста они не играют активной роли в социальной жизни общества.

политических и экономических процессов), надежда только на себя и собственные силы, здоровый прагматизм, способность выживать в критических ситуациях, неиссякаемая любознательность, упорный трудоголизм и значительный запас терпения, особенно в случае необходимости преодоления жизненных или профессиональных трудностей.

На смену Иксерам пришло поколение Игреков (*generation Y*). Рожденных на рубеже тысячелетий, в 1983–2003 годах, их называют «миллениалы» или «сетевое» поколение, имея в виду, прежде всего, появление интернета. Формирование этого поколения, выпавшее на преднулевые и нулевые, проходило под знаком бурного развития информационных технологий, практически отсутствующих ранее. В отличие от предыдущего поколения, детство и юношество которого прошло всецело в доинтернетовскую эпоху, одним из самых больших достижений которой было распространение роторных телефонов, для Игреков мобильники, смартфоны и Интернет – их привычная действительность. Тотальная доступность информации, в том числе музыки, фильмов и книг, а также возможность общаться с людьми из любого уголка Земли сформировала не только вкусы и предпочтение Игреков, но и их систему ценностей. Отличительной особенностью миллениалов является их неудержимое стремление к самореализации. Уверенные в себе, они берутся за любую работу (даже ту, к которой профессионально не подготовлены) и стремятся ее выполнить, полагаясь на собственную креативность и предприимчивость. В работе и обучении им свойственно чувство ответственности и достаточно высокая трудовая этика. Для них определяющим в выборе профессии, а также любой контрактной работы является уровень вознаграждения.

Дети миллениалов – это ныне формирующееся поколение Z (*digital children of generation Y*), состоящее из тех, кто родился после 2003 года. К событиям, оказавшим (или оказывающим) непосредственное влияние на это поколение, относятся мировой финансово-экономический кризис, Веб 2.0 (методика разработки систем путем расширения их содержания по мере их использования), развитие новых мобильных технологий, а также развертываемый на наших глазах кризис, связанный с эпидемией коронавируса (COVID-19), последствия которого для мировой экономики и цивилизации в целом пока неизвестны. Какие ценности сформируют нынешние дети под воздействием всех этих событий и их последствий, сказать пока трудно и преждевременно. Зетов называют «цифровым поколением», и неслучайно, ибо они в прямом смысле слова растут в цифровом пространстве – в чатах, форумах, виртуальных и медийных сообществах. Это делает их социально активными, формируя потребность постоянно обмениваться информацией. Однако их активность особого типа. В отличие от их родителей (поколения Игреков), а особенно бабушек и дедушек (поколения Иксов), они растут «молчаливыми» домоседами, каждый уткнувшись в свой собственный гаджет, без особого стремления к непосредственному личному общению. Точно предсказать, как это скажется на их психике и манере поведения, пока сложно. Но ясно, что их поколенческие черты будут существенно отличаться от тех, которые свойственны предыдущим поколениям.

Читатель может быть удивлен, почему я уделяю столько места описанию и разбору типологизации поколений, разработанной Штраусом и Хоувом. Данное обсуждение важно не только в связи с необходимостью выработки более точного понимания основных идей и результатов теории поколений, которая получила сегодня широкое распространение в мире и на которую возлагаются большие надежды, в том числе в аспекте развития новых концепций образования. Мне также представляется, что идея проследить зависимость между историческими событиями различных эпох и поведенческими моделями поколений, сформированных в эти эпохи, может быть продуктивной с точки зрения выработки концепции философского поколения, которое, собственно, и представляет мой главный интерес в настоящей статье и к чему я обращаюсь в следующем разделе.

2

Говоря о философском поколении, прежде всего, следует уточнить коннотацию, в которой используется понятие «поколение» в данном словосочетании, а также определить временные границы самой поколенческой структуры, подлежащей рассмотрению.

Когда мы говорим о философском поколении, то ведем речь о специфической конструкции, не совпадающей по своему содержанию с феноменом социального поколения, положенным в основу теории Штрауса – Хоува, о которой шла речь выше. Обращаясь к обсуждению философского поколения, нас интересуют горизонтальные связи и личные контакты между профессионально занимающимися философией индивидами внутри одного (социального) поколения. Поскольку подобного рода содержательные контакты могут возникнуть, только когда данные индивиды достигают определенной профессиональной зрелости, то ясно, что типологизация философских поколений по датам рождения их представителей является несостоятельной. Более точной в этом смысле будет классификация поколений в соответствии с периодом вступления в самостоятельную интеллектуальную жизнь в качестве философа его основных представителей, что может выходить за специфические возрастные границы того или иного поколения. Окончание университета и защита даже первой (кандидатской) диссертации не у всех происходит в одном и том же возрасте. Некоторые, как известно, приходят в философию с существенной задержкой, часто разочаровавшись в изначально избранной профессии, или в результате пробудившегося интереса к философским рефлексиям и поискам. Поэтому люди, рожденные в разные десятилетия – разрыв здесь может быть значительным, – могут принадлежать к одному и тому же философскому поколению. Однако это не означает, что в случае философских поколений границы социальных поколений оказываются абсолютно размытыми и определение поколенческих характеристик становится принципиально невозможным.

Рискну утверждать, что идея Штрауса и Хоува о существующей прямой зависимости между историческими событиями и поведенческими моделями поколений сохраняется и при рассмотрении философских поколений. Более того, схожесть ценностных установок, сформировавшихся под влиянием одних и тех же социальных событий и особенностей воспитания, в случае философских поколений оказывается еще более явной, нежели с социальными поколениями. И что интересно, сходная система ценностей транслируется в единый философский дискурс, в рамках которого проводятся исследования и ведутся дискуссии как в философии, так и в смежных дисциплинах в определенный временной период, совпадающий с периодом деятельности конкретного философского поколения. Конечно, данная корреляция не должна пониматься как детерминистски обусловленная, но она присутствует и во многом является определяющей.

Если попытаться представить типологию философских поколений, ныне действующих в России, то я бы выделила (1) всем хорошо известное поколение шестидесятников – тех, которые появились на профессиональной философской сцене в конце 1950-х – начале 1960-х; (2) поколение восьмидесятников, вступивших в профессию в 1970–1980-е; (3) наиболее многочисленное на сегодняшний день и, пожалуй, самое активное из ныне действующих поколение 1990-х; и (4) самое молодое, только набирающее силу, поколение нулевых.

Нетрудно заметить, что моя типология философских поколений в определенном смысле коррелируется с типологией социальных поколений, представленной Штраусом и Хоувом. Действительно, каждое из выделенных философских поколений является частью определенного социального поколения, и первым, естественно, свойственны поведенческие признаки и характеристики, присущие вторым. Однако общие (совместно) пережитые события не просто оказывают на представителей философских поколений всеобщее формирующее

воздействие, определяя их ценностные установки, но также серьезно влияют на их философские позиции и вырабатываемые ими философские дискурсы. При этом нетрудно назвать те ключевые события, которые стали смыслообразующими для каждого из выделенных российских философских поколений. Для философов-шестидесятников это развенчание культа личности Сталина и хрущевская оттепель (середина 1950-х – середина 1960-х годов); для восьмидесятников – начавшаяся перестройка и гласность (1985–1991), инициированные М.С. Горбачевым, и последовавший переход к рыночной экономике; для философского поколения 1990-х – распад СССР (1991) и государственный суверенитет России (2002); для поколения нулевых – Крымский кризис (2014) и начало нового витка холодной войны. Эти, во многом противоречивые, события привели к радикальным переменам в российском обществе и внесли существенные изменения в социальный и политический ландшафт как внутри страны, так и на международной арене, что не могло не сказаться на ценностных и поведенческих ориентирах и принципах формирующихся под их воздействием поколений, и особенно образованной внутри их интеллектуальной элиты.

Я лично отношу себя к поколению восьмидесятников, кто вступил в сознательную профессиональную жизнь в конце 1970-х – середине 1980-х годов. Будучи одним из самых молодых представителей своего философского поколения (я окончила университет в 1982 году и защитила кандидатскую в 1985 году), хотя я и застала период застоя в социальной, политической и экономической жизни страны, формирующее влияние на меня как философа всё же оказали события, связанные с перестройкой и гласностью, и их последствия во многом определили пути развертывания моей профессиональной карьеры. Длительный и болезненный период стагнации и засилья геронтократии в политическом руководстве страны в основном выпал на мои студенческие годы. При этом моя аспирантская жизнь проходила уже под знаком предчувствия грядущих перемен, а начало профессиональной карьеры (январь 1986 года) практически совпало с началом периода перестройки, официально объявленной новым государственным курсом в январе 1987 года, но начатой значительно раньше⁶.

К перестройке можно относиться по-разному, и, несомненно, сам этот период был совсем не простым для всех, кто оказался в водовороте тех событий. Не вдаваясь здесь в анализ итогов перестройки, о чем уже много сказано и написано как в нашей стране, так и за рубежом [Абалкин 1986; Байков 2017; Golitsyn 1984; Kotkin 2001; LaFeber 2002], подчеркну, что для моего философского поколения последствия перестройки были весьма неоднозначными и часто болезненными. С одной стороны, связанный с перестройкой процесс политических и социальных преобразований и, прежде всего, политика относительной открытости, существенное ослабление цензуры и снятие существовавших в советском обществе многочисленных информационных барьеров, а также отказ от официальных идеологических запретов на критику привели к оживлению общественной и культурной жизни. Мы зачитывались произведениями неофициальной советской литературы – от Андрея Платонова и Даниила Хармса до Юрия Трифонова и Вениамина Ерофеева, – которая в конце 1980-х годов впервые становится доступной широкому читателю. Мы стали свидетелями открытия спецхранов и получили доступ к многочисленным философским источникам – как отечественных, так и зарубежных мыслителей, – только вчера находившимся под идеологическим запретом и доступным лишь единицам, и то по специальным разрешениям, получаемым в первых отделах. Кроме того, сопутствующая перестройке политика «нового мышления» привела к важным

⁶ Как известно, официальный старт перестройке, предполагавшей кардинальную реформу всей системы управления, был дан на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г., хотя программа ускорения социально-экономического развития страны была выдвинута уже на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. и провозглашена в качестве курса партии на ее XXVII съезде, проходившем с 25 февраля по 6 марта 1986 г. [См.: XXVII съезд КПСС... 1986].

изменениям в отношениях с Западом, во многом ускорив процесс завершения холодной войны и обусловив падение «железного занавеса». Трудно переоценить важность данных событий и то непосредственное влияние, которое они оказали на молодое поколение, особенно научную интеллигенцию. Возобновились и стали расширяться научные контакты и обмен литературой с Западом; международные встречи и конференции получили широкое распространение. К нам приезжали западные исследователи, а нас приглашали и нам были рады за границей. В каком-то смысле период перестройки можно, хотя и с некоторыми уточнениями, сравнить с периодом хрущевской «оттепели» начала 1960-х, хотя открытость конца 1980-х имела более широкий размах и затрагивала практически все основные сферы общественной жизни. Все это, конечно, не могло не стимулировать развитие философской рефлексии и создавать новые возможности для нас, только начинающих профессиональную деятельность.

Однако, наряду с весьма позитивными изменениями, перестройка вызвала и ярко выраженные негативные последствия. Попытка демократизации общества, не имеющего навыков демократии, не могла быть успешной, что немедленно проявилось как в экономической, так и в социальной жизни. Поспешный переход к рынку в экономике привел не только к дефициту продуктов, но и к навязыванию хозяйственно-контрактных отношений в науке и научно-педагогической работе. В результате многие ученые, включая гуманитариев, если и не лишились работы, то были переведены на 30–40 % зарплаты; остальное им предлагалось добывать самим с помощью контрактной деятельности – и это в условиях упадка экономики и отсутствия каких-либо фондов или структур, наделенных полномочиями финансирования науки. Более того, само общество переживало серьезный кризис ценностей. Разрушительная критика привычных традиций и ценностей советского общества породила моральный вакуум. Воспитанные на принципах советской морали, люди не имели опыта жизни в новом (принципиально ином) обществе; они просто не знали, какой может быть другая мораль. Ее культивирование требовало не только времени, но также и опыта жизни в условиях рынка, формирующего определенную систему идеалов и ценностей. Многие, включая представителей интеллигенции, были психологически не готовы к условиям конкуренции на рынке, который может быть эффективным, только если люди сами отвечают за себя и не ждут помощи от государства или каких-либо государственных или общественных структур. К тому же появление новых возможностей обогащения быстро обесценило принятые в советском обществе символы благосостояния и жизненного успеха. Ценность образования, научных степеней и позиций резко снизилась. Профессия ученого в академическом и учебном заведении утратила свой престиж. Те, кто только вчера рассматривался успешным в жизни и карьере, по новым стандартам оказывались едва ли не неудачниками. К этому стоит добавить сформировавшееся открыто негативное отношение общества к философии, которая стала всецело отождествляться с марксизмом-ленинизмом, догматизм которого выступил предметом всеобщей критики – ставшей в 1980–1990-е годы не только модой, но и признаком хорошего тона. Трудности переходного периода создавали серьезные барьеры для философского творчества, особенно для тех, кто вступил в профессиональную жизнь в конце 1970-х и к концу перестройки уже успел найти свое место в философии и профессии. Создававшаяся ситуация явно не располагала к академической карьере в философии, в результате чего многие из моих философствующих сверстников совсем ушли из философии, а некоторые просто отказались от занятий философской наукой, перейдя в различные общественные и государственные структуры, а также вузы, где они могли ограничиться чисто преподавательской деятельностью, за которую вдруг стали платить больше, чем за научную (во времена моей молодости от преподавателей вузов не требовалось научных результатов). Стоит упомянуть и о еще одной категории представителей моего поколения – это те, кто в надежде на продолжение философской карьеры уехал на Запад. И хотя таких было немало, в результате только единицы из них оста-

лись в философии; бóльшая часть была вынуждена перейти в другую область знаний или полностью сменить профессию. Поэтому я рассматриваю мое философское поколение как в определенном смысле *потерянное*: кого-то мы растеряли по пути, а кто-то и сам потерялся в новой реальности. Это, конечно, не означает, что мое поколение распалось или вообще оказалось утраченным. Отнюдь нет; наиболее упорные сохранились и образовали ядро поколенческой когорты, многие представители которой и сегодня продолжают успешно работать в философии. Назвать всех достойных упоминания, конечно, невозможно. Несмотря на поколенческие «трудности роста», в моем философском поколении достаточно много ярких мыслителей, сумевших внести серьезный вклад в развитие философской мысли, работы которых получили достойное признание в нашей стране и за рубежом. Поэтому назову только нескольких.

Среди них недавно ушедший от нас Валерий Подорога (1946–2020)⁷, один из крупнейших русских философов-постмодернистов, разработавший направление аналитической антропологии. Другое не менее известное имя – Рубен Апресян⁸, признанный эксперт в области истории и теории моральной философии, происхождения морали, нормативной и прикладной этики. Еще один яркий представитель поколения восьмидесятников – Александр Доброхотов, оригинальный мыслитель, прославившийся своими работами по культурологии и истории философии⁹.

Среди более молодых представителей моего философского поколения хочу упомянуть Елену Петровскую, талантливую философа, антрополога и культуролога, выпустившую более десятка значимых книг по культурной антропологии и современной теории и философии искусства¹⁰. Наряду со своей активной научной работой, Елена также является главным редактором созданного ею и издаваемого с 2002 года оригинального по замыслу и исполнению журнала «Синий диван», публикующего статьи по современной философии и искусству.

Не могу не назвать Алексея Кара-Мурзу, с которым мы в 1980-х — в то время еще совсем молодые и начинающие исследователи – вместе работали и в разные годы возглавляли Совет молодых ученых Института философии (тогда еще АН СССР). Известный политолог и авторитетный специалист в области политической теории, истории русской политической мысли и либерального реформаторства, Алексей – историк по образованию, посвятивший себя философии и добившийся в своей области ярких результатов¹¹. Хочу также упомянуть

⁷ После окончания философского факультета МГУ В.А. Подорога поступил в аспирантуру Института философии АН СССР, которую он окончил в 1974 г. Свою кандидатскую диссертацию он защитил в 1979 г., а докторскую – в 1991 г. Автор более двадцати монографий, вся его философская карьера прошла в Институте философии.

⁸ Выпускник философского факультета и аспирантуры МГУ, Р.Г. Апресян защитил кандидатскую диссертацию в 1979 г.; доктор философских наук с 1993 г. Его профессиональная карьера началась в МГУ в 1981 г., а затем (1987) получила успешное развитие в Институте философии РАН, который и по сей день является его основным местом работы. С 1994 г. он возглавляет институтский сектор этики, а с 2012 г. одновременно является заведующим отделом аксиологии и философской антропологии. С недавних пор он также руководит журналом «Человек».

⁹ Выпускник философского факультета и аспирантуры МГУ, А.Л. Доброхотов защитил кандидатскую диссертацию в 1978 г. и докторскую в 1991 г. В течение первых 30 лет своей профессиональной карьеры он преподавал в МГУ, где возглавлял кафедру истории и теории мировой культуры на философском факультете. С 2009 г. он – профессор кафедры наук о культуре факультета философии НИУ ВШЭ.

¹⁰ В отличие от многих моих сверстников, пришедших в философию после философского факультета, Е.В. Петровская – выпускница МГИМО (1984). Она окончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию (1988) в ИФАНе, где она ныне руководит сектором эстетики.

¹¹ А.А. Кара-Мурза окончил (в 1978 г.) историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки МГУ. Кандидат исторических наук (1981), он защитил докторскую по философии (1994) в Институте философии АН СССР, где он работает с 1981 г., являясь заведующим сектором философии российской истории и возглавляя отдел социальной и политической философии.

еще одного, как мне кажется, значимого и весьма репрезентативного представителя моего философского поколения. Это Дмитрий Никулин, который сейчас живет и работает в США, оригинальный мыслитель с широким кругом интересов – от философии и истории науки поздней античности и раннего Нового времени (XVII век) до философии диалога и философии истории. Так же как и я, он воспитанник Института философии РАН и стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия)¹².

Эти творцы смыслов – те яркие маяки, по которым, по-видимому, и будет опознаваться (и оцениваться) мое философское поколение. Их многочисленные работы известны далеко за пределами нашей страны и их идеи уже вошли в ткань философской мысли современности, являясь предметом обсуждения и изучения как специалистов, так и широких читателей. И я благодарна судьбе за то, что наши дороги пересеклись.

Хочу еще раз подчеркнуть, что восьмидесятники, к которым я себя отношу, хотя отчасти (в выше обозначенном смысле) и являются «потерянным» поколением, несмотря на обстоятельства, сумели реализовать свой потенциал. Наше время не просто породило интересных мыслителей, но и научило нас надеяться и полагаться только на самих себя. И действительно, определяя основные характеристики восьмидесятников, трудно не заметить поколенческую готовность к изменениям, некоторую гибкость в определении своих целей, а также стремление учиться в течение всей жизни. Данная гибкость отличается от конформизма и всепоглащаемости, являясь скорее проявлением здорового прагматизма, воспитанного эпохой глобальных социальных перемен и внезапных изменений общественного и политического ландшафта. Мы – *странники*, способные выживать в критических ситуациях. А еще мы неисправимые *трудоголики*, относящиеся к своей профессиональной деятельности как к любимому хобби: готовы жить на чужбине, работать за минимальное вознаграждение, главное для нас – заниматься своим делом и быть продуктивными. В отличие от предшествующего нам поколения шестидесятников, которые всегда держались вместе, мы разрозненны. Наши отличительные черты – самостоятельность и независимость, что проявляется во всем: в решениях, суждениях, мыслях и поступках. Мы умеем радоваться успехам друг друга и искренне переживать за неудачи других как за свои собственные, но в философии мы индивидуалисты. И, наверное, поэтому трудно найти в нашем поколении какие-то сформировавшиеся научные школы, группы или направления. Каждый творит в своей собственной области и, даже трудясь над одним проектом, пытается работать в одиночку. Хотя это отнюдь не означает отсутствия интеллектуальных и эмоциональных связей и контактов внутри поколения. Ибо именно в такого рода связях и состоит наша сила и залог успеха каждого по отдельности и в целом.

Данное размышление возвращает нас к нашей прежней теме, а именно к обсуждению феномена философского поколения и его значения. Действительно, не является ли надуманным сам разговор о философских поколениях, насколько он важен и до какой степени наше профессиональное поколение оказывает на нас формирующее влияние?

Обращаясь к теме философского поколения, мы сразу же попадаем в область обсуждения вопроса о развертывании интеллектуальной истории, в частности и особенности истории формирования философских смыслов. Ибо минимальная единица интеллектуального измене-

¹² Д. Никулин окончил аспирантуру ИФАН, где его научным руководителем была Пиам Павловна Гайденко. После защиты кандидатской диссертации (в 1990 г.) он уехал на стажировку в Германию, где провел несколько лет, занимаясь научной работой в университетах Эссена и Гейдельберга. Он несколько лет скитался по миру в поисках академической позиции, работая по коротким контрактам в Норвегии, Исландии, Чили и др. странах. Но все это время он не прекращал активно заниматься философией и публиковаться. Ныне он профессор философии в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке (The New School for Social Research), известный далеко за пределами своего университета.

ния – это поколение как отрезок времени¹³, необходимый для того, чтобы произошли значительные сдвиги в философских предпосылках и подходах. Речь отнюдь не идет о серьезных структурных изменениях – что может быть выявлено только по прошествии десятилетий и при участии новых поколений философов и что является результатом влияния произошедших перемен. Интеллектуальное поколение ассоциируется с самим фактом наличия изменений философских предпосылок, изменений, которые это поколение инициирует.

Если интеллектуальная история в ее целостности может быть представлена как органический процесс смены поколений интеллектуалов (в нашем случае философов), то сюжет интеллектуальной истории в каждый определенный период времени пишут именно связи и отношения, существующие внутри действующего в определенное время поколения. Такие связи являются одновременно и вертикальными (цепь взаимоотношений «наставник – ученик», пересекающих сразу несколько поколений) и горизонтальными (знакомства и контакты между сверстниками). Именно горизонтальные связи, когда творческие индивиды оказываются вовлеченными в официальные и неофициальные объединения интеллектуально равных, и образуют необходимые условия для интеллектуального поиска. Причем данные объединения могут включать как сторонников, так и противников и состоять как из тех, кто принимает и разделяет идеи других участников, так и из тех, кто не соглашается с выдвигаемыми идеями и их открыто критикует, что позволяет интеллектуалам быть критичными к своим собственным результатам и постоянно их корректировать. Кстати, в этом проявляется положительный эффект критики, на который обращал внимание Гегель, настаивая на том, что всякая претендующая на успех философская система (и концепция) должна быть самокритичной.

Новые философские идеи и подходы могут формироваться только через тесную связь философствующих индивидов с их интеллектуальным сообществом, и широта распространения самих идей и их последующее влияние в обществе в значительной степени определяется данными связями. В действительности все мы творцы философских смыслов – от «звезд» до сторонних наблюдателей – часть одного и того же силового поля. Соединяющая нас сеть отношений, существующие между нами связи придают нам силу, формируют и распространяют наши идеи. Каждый из нас развивается внутри своего собственного социума, коим предстает не только историческое время и связанные с ним социальные и общественные события, но и наше непосредственное интеллектуальное окружение, наши сверстники, с которыми мы обсуждаем новости дня, обмениваемся мнением о прочитанных книгах и просмотренных выступлениях, говорим о новых трендах в культуре и моде, спорим на профессиональные темы, постоянно находясь с ними в контакте. Эти отношения могут вдохновлять, разочаровывать, вызывать критическую реакцию, но они всегда создают для нас благоприятный эмоциональный фон, придают энергию, необходимую для творчества. Как наша индивидуальность, так и наше понимание философских проблем формируется в связи и противостоянии с окружающими нас интеллектуалами и, прежде всего, с нашими сверстниками, – друзьями и соперниками – а также с многообразием интеллектуальных позиций, которые они сами представляют. Такое взаимообогащающее общение порождает интеллектуальные проблемы, а стало быть, и вопросы, над которыми мы сами размышляем.

Горизонтальные (внутрипоколенческие) связи действительно существенны. И дело здесь не во влиянии друг на друга в общепринятом смысле этого слова, т. е. когда один передает по цепочке другому какие-то мысли и идеи. Я бы предположила, что существуют три взаимопересекающихся, но концептуально различных процесса, которые проявляются через

¹³ Как я попыталась показать выше, Штраус и Хоув ограничивают данный отрезок времени примерно двадцатью – двадцатью двумя годами. Однако имеются и другие позиции относительно временных границ поколения. Так, американский социолог Рэндалл Коллинз (Randall Collins) считает, что временные рамки поколения должны быть определены как тридцать три года [См.: Collins 2002: 60].

личные контакты и межличностные связи. Первый – это передача того, что обычно именуется культурным капиталом, а также важных навыков того, как с ним оперировать. Вторым важным процессом состоит в передаче эмоциональной энергии, источником которой может быть общее чувство пережитого успеха или общность помыслов и интересов. Все это, в свою очередь, дает важный энергетический заряд и стимулирует творческое вдохновение, без чего творчество и творческая деятельность невозможны. И наконец, третий процесс связан со здоровым соперничеством в рамках группы или когорты ровесников, что придает веру в себя и формирует чувство интеллектуальных возможностей¹⁴.

Конечно, данные процессы действуют как в вертикальных, так и в горизонтальных типах личных связей и контактов. И вертикальные связи – отношения между наставником и учеником, пронизывающие несколько поколений, – порой выходят на первый план, становясь более значимыми, чем горизонтальные связи между сверстниками внутри одного поколения. Однако эти два типа личных связей различаются по своей структуре и содержанию. Сколь бы доверительными ни были отношения между наставником и его учеником, сама их связь подразумевает доминирование одного над другим, а также наличие их определенной зависимости друг от друга. Абсолютно иная ситуация складывается при отношении между интеллектуалами-сверстниками – они общаются на равных и остаются независимыми друг от друга как в своих суждениях, так и в действиях.

Групповые личные контакты и взаимодействие внутри поколения не только стимулируют мысль и иницируют поток продуктивных идей, но также имеют сильный эффект эмоционального побуждения к творчеству, соизмеримый с контактами с единомышленниками. Устанавливая связи и общаясь друг с другом, интеллектуалы-сверстники не обязательно передают друг другу какие-то знания или другого рода интеллектуальный капитал. Они могут не узнать друг от друга ничего существенного для их непосредственной области знания или исследования. Что возникает как результат их внутр поколенческой связи – это, собственно, единая, общая интеллектуальная сфера, в рамках которой происходит формирование собственных интересов и идей. Во взаимоотношении с философствующими сверстниками нащупываются требующие анализа понятия и концепции и выкристаллизовываются выходящие на первый план темы для обсуждения. Кто мы и какие философские проблемы будоражат наши мысли, во многом зависит и определяется нашим непосредственным окружением – тем философским поколением, к которому мы принадлежим. Совместными усилиями мы создаем друг друга. И в этом состоит непреходящее значение поколения.

В настоящем разделе я попыталась описать основные черты философского поколения 1980-х, к которому я себя отношу. Но портрет моего поколения, наверное, будет незаконченным, если я прервусь на этой – в большей степени теоретической – ноте и не приведу никакого эмпирического материала. Поэтому в следующем (и последнем) разделе статьи я позволю себе поделиться личным опытом погружения в философскую мысль. Надеюсь, читатель найдет этот рассказ небезынтесным.

3

Мой путь в философию был во многом традиционным для представителей моего поколения – философский факультет университета, аспирантура по философии, а затем защита кандидатской и докторской диссертаций. Правда, в отличие от многих, с кем мне довелось учиться в аспирантуре и начинать свою профессиональную карьеру, моей *alma mater* являет-

¹⁴ Коллинз выделяет схожие процессы при обсуждении значения личных связей между именитыми философами («звездами») для стимулирования их собственных идей и творчества в целом. Подробнее об этом см.: Collins 2002: 68–73.

ся не МГУ, а РГУ – Ростовский государственный университет, в 2006 году переименованный в Южный федеральный университет¹⁵.

В конце 1970-х, когда я туда поступала, РГУ был одним из наиболее престижных университетов страны, уступая лишь Московскому и по ряду (в основном научных) специализаций – Ленинградскому. Кстати, в период моего обучения в РГУ ректором университета был Юрий Андреевич Жданов, сын близкого соратника Сталина и главного идеолога партии А.А. Жданова. Кстати, сам Юрий Жданов был в молодости – хотя и весьма мимолетно – связан со Сталиным родственными узами, будучи в течение трех лет (1949–1952) женат на его дочери Светлане Аллилуевой. Хотя на заре своей научной карьеры Жданов-младший сыграл весьма неблагоприятную роль в развитии советской физиологии¹⁶, в РГУ, и особенно ростовские философы, о нем до сих пор вспоминают с симпатией и благодарностью. Это по его инициативе и при его участии в Ростовском государственном университете был создан философский факультет. В научной академической среде Ю.А. Жданов был известен как талантливый химик-органик, и именно по этой специальности в ноябре 1970 года он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Но интересно, что свою первую кандидатскую диссертацию¹⁷, защищенную в 1948 году, он написал по философии, будучи аспирантом Института философии АН СССР, где он обучался под руководством ныне широко известного философа и логика Б.М. Кедрова, который наряду с философскими трудами также славен яркими работами по химии, а также истории и методологии науки.

Философский факультет РГУ в качестве самостоятельного подразделения был создан в 1972 году¹⁸, за пять лет до моего поступления. Следует заметить, что в мое время на философском факультете РГУ работали потрясающие специалисты. Многие из них были новоиспеченными кандидатами наук, защитившимися в МГУ или в Институте философии АН СССР, где они учились и работали под руководством Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, Т.И. Ойзермана, И.С. Нарского, В.В. Соколова, В.А. Смирнова, В.Ж. Келле, а также других ярких представителей философской мысли того времени. Когда я пришла на факультет, там царил дух Ильенкова и большинство из моих преподавателей не скрывали своей приверженности идеям Эвальда Васильевича. Так что не удивительно, что мое знакомство с работами Э.В. Ильенкова произошло еще в студенческие годы. Кстати, и М.К. Мамардашвили я открыла для себя еще будучи студенткой РГУ. Он приезжал к нам с лекциями, и я помню, что на меня тогда произвели глубокое впечатление его размышления о Декарте и Канте, пробудив у меня интерес к серьезному чтению их работ.

Кроме начинающих преподавателей на факультете трудились и мэтры (В.Е. Давидович, Е.Я. Режабек, А.В. Потемкин, Ю.Р. Тищенко, Т.П. Матяш, В.П. Макаренко), лекции которых пытались не пропускать. Несмотря на многообразие индивидуальных научных интересов наших педагогов, многие были увлечены темами, так или иначе связанными с тем, что сейчас

¹⁵ Своими воспоминаниями о моих университетских годах я поделилась в интервью, недавно опубликованном в «Историко-философском ежегоднике». Там же читатель найдет более подробный рассказ о том, что привело меня в философию и как после РГУ я оказалась в Москве, поступив в аспирантуру Института философии АН СССР [См.: Быкова, Синеокая 2021: 283–322].

¹⁶ Ю.А. Жданов был одним из вдохновителей так называемой «Павловской сессии» – совместного заседания Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, состоявшегося летом 1950 г. с целью борьбы с попытками отклонений от учения И.П. Павлова, а также с влиянием Запада на советскую физиологию. Годом позже (в октябре 1951 г.) подобное заседание было проведено уже президиумом Академии медицинских наук с привлечением правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров. На нем была высказана критика в адрес ряда отечественных ученых-психиатров, попавших под «пагубное влияние западной мысли».

¹⁷ Его вторая кандидатская диссертация, защищенная в 1957 г., была по химии, дисциплине, которую он изучал, будучи студентом МГУ, а позже и преподавал вначале в своей alma mater, а потом и в РГУ.

¹⁸ До этого в РГУ имелось лишь отделение философии, которое являлось частью экономико-философского факультета, созданного в 1965 г.

называется культурологией. В результате в Ростове сложилась интересная философско-культурологическая школа, входящая в число ведущих школ России. Но тогда эта школа только еще формировалась, и я чуть было не оказалась в аспирантуре по культурологии, куда меня настойчиво приглашали мои ростовские педагоги.

Но я решила попробовать свои силы и отправилась поступать в конкурсную аспирантуру ИФАНа в Москву, и, к моей огромной радости и удивлению (в то время в конкурсную аспирантуру принимали только москвичей), была принята. Так осенью 1982 года я оказалась в Институте философии, где несколькими годами позже (в январе 1986) началась моя профессиональная карьера.

Поступление в аспирантуру ИФАНа стало для меня поистине значительным событием. Признаюсь, что никогда ранее я не испытывала такого воодушевления и подъема, как после зачисления в аспирантуру. И все мои аспирантские годы я до сих пор вспоминаю с особым теплом и признательностью. Без сомнения, это были решающие годы для моего формирования в качестве исследователя, годы серьезного погружения в философию. Если РГУ дал мне необходимую базу, познакомив меня с азами философской культуры, то ИФАН ввел в мир философии и развил вкус к серьезной философской работе. Поэтому в моем сознании ИФАН является не в меньшей степени моей *alma mater*, чем РГУ.

Научным руководителем моей кандидатской диссертации была Нелли Васильевна Мотрошилова, с которой нас по сей день связывают не только продуктивные коллегиальные контакты, но и теплые дружеские отношения. Она сыграла ключевую роль в моем становлении в качестве исследователя, за что я ей искренне признательна. Признанный знаток немецкой и русской философской культуры, один из крупнейших российских историков философии, она научила меня серьезной историко-философской работе с опорой на анализ философских текстов на языке оригинала. Я благодарна ей за привитие культуры текстологического анализа, за то, что она помогла мне сориентироваться в море западной литературы по моему предмету исследования (философия Гегеля), а также и за то, что щедро делилась со мной не только своими знаниями, но и своими контактами на Западе, в частности и особенности в Германии. (Об этом более подробно речь пойдет ниже.) Будучи аспиранткой, мне также удалось всерьез подтянуться и в теории познания (эпистемологии), и в философии сознания, и в социальной философии, и в этике, не говоря уже о различных периодах и фигурах в истории философии. Наряду с потрясающими аспирантскими курсами, которые нам читали лучшие отечественные специалисты (В.А. Лекторский, Г.С. Батищев, В.С. Швырев, А.П. Огурцов, Н.А. Автономова, А.Г. Спиркин, Ф.Т. Михайлов, В.М. Межуев, В.Ж. Келле, В.И. Толстых, Т.И. Ойзерман, А.В. Гулыга, Т.В. Васильева, П.П. Гайденко, Ю.А. Шичалин и др.), мы, аспиранты, имели (и активно использовали!) возможность участвовать в лекциях, семинарах, встречах и симпозиумах, которые проводились в ИФАНе, МГУ и других московских центрах философской мысли. Философская жизнь в Москве бурлила, и чем ближе и настойчивее становились перемены, инициированные перестройкой, тем это бурление становилось все активнее. И это окрыляло и придавало энергии для самостоятельного творчества. То была счастливая пора школярства, а также поиска чего-то нового. Оказавшись в водовороте интеллектуальных событий, все мы – тогда еще юные и только начинающие свой путь в философии – являлись не только свидетелями, но и в определенном смысле со-созидателями новых философских подходов и смыслов. В то время пробиться в профессии было совсем непросто. Хотя философия преподавалась практически во всех вузах, во-первых, в большинстве своем, то были курсы по марксистско-ленинской философии (с некоторыми незначительными вариантами), а, во-вторых, на должность преподавателя философии принимали только членов партии. Парадоксальным образом, членство в партии не было условием поступления в аспирантуру или на работу в ИФАН. Поэтому неслучайно, что здесь образовалась высокая кон-

центрация ярких, либерально настроенных интеллектуалов, разочаровавшихся в идеологическом и партийном догматизме и занимающихся философией по-новому. Стандарты качества новой философии были очень серьезными, что, конечно, стимулировало высокий уровень философских исследований. Публикации книг становились событиями – и не только в жизни авторов, но в жизни всего философского сообщества. Книги читали, обсуждали, о них спорили до хрипоты, соглашаясь или опровергая позицию автора. Профессиональные философские журналы – а их было всего несколько («Вопросы философии», «Философские науки») и несколько университетских «Вестников») – были истинными форумами для живых дискуссий. Журналы выписывали, читали и перечитывали от корки до корки; они были своеобразными «законодателями моды», определяя приоритеты и задавая тон обсуждениям тех или иных философских тем и проблем.

В самом институте научная философская жизнь тоже кипела, и мы, молодежь – аспиранты и молодые сотрудники – были в нее активно вовлечены. Помимо общеинститутских мероприятий, в которых мы принимали деятельное участие, мы также организовывали свои собственные. Основная инициатива принадлежала Совету молодых ученых института (в который я входила на протяжении нескольких лет), но он объединял вокруг себя достаточно много энергичной молодежи, в буквальном смысле слова фонтанирующей новыми мыслями, идеями и предложениями. Мое непосредственное окружение в период моего обучения и первых лет работы в ИФАНе включало таких представителей моего философского поколения, как А.А. Кара-Мурза, Л.П. Поляков, В.П. Перевалов, Е.В. Петровская, Е.В. Ознобкина, А.А. Сыроедеева, Н. Любомирова, В.С. Малахов, Е.Н. Князева, А.Л. Алюшин, М.М. Федорова, М.К. Рыклин и многие другие сегодня хорошо известные специалисты-философы, внесшие значительный вклад в развитие и пропаганду философского знания.

Хочу остановиться на одном ярком событии, которое было в каком-то смысле знаковым для моего философского поколения и которое оказало большое влияние на мое собственное профессиональное становление и, как я полагаю, на профессиональное развитие других представителей моего поколения, сопричастных к событию. Речь пойдет об участии молодежной делегации СССР в XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне (Великобритания) в августе 1988 года¹⁹. Мне довелось быть в составе той делегации, участие которой в Международном философском конгрессе явилось историческим событием, ставшим возможным в результате инициированной М. С. Горбачевым политики перестройки и гласности. Решающую роль в организации данной поездки сыграл Иван Тимофеевич Фролов, который в то время был помощником М. С. Горбачева. И. Т. Фролов возглавлял Научный совет АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники, а также являлся президентом Философского общества СССР, будучи избранным на данный пост в январе 1987 года. Именно Фролов настоял на вступлении ФО СССР в Международную федерацию философских обществ (МФФО), что привело не только к расширению международных связей ФО СССР, но также привлекло внимание западных исследователей к философскому развитию в СССР, создав благоприятные условия для его (уже во многом беспристрастного) изучения. Это стало серьезным поворотным пунктом в отношении к ситуации в философии в нашей стране. Если раньше она всецело отождествлялась с догматическим марксизмом, то теперь открылись пути для изучения работ советских философов, которые не только давно размежевались с догматизмом, но и развивали новые прогрессивные идеи, во многом созвучные с теми, которые разрабатывались их коллегами на Западе.

В январе 1988 года Фролов возглавил Советский оргкомитет конгресса, сменив на этом посту консервативного по своим взглядам и установкам П.Н. Федосеева. В считанные недели

¹⁹ Подробно о подготовке конгресса и участии в нем делегации советских философов см.: Корсаков 2009.

после избрания Фролов выступил с инициативой расширить участие советских философов в конгрессе и наряду с мэтрами отправить в Брайтон группу молодых ученых. Поездка на конгресс молодежной группы²⁰ стала поистине историческим событием, и по собственному опыту могу сказать, что это не осталось незамеченным международными участниками конгресса, которые не только заметили, но и с ликованием восприняли столь значительное омоложение советской делегации на конгрессе. Как позже со мной делился впечатлениями о Философском конгрессе в Брайтоне один из моих старших западных коллег, это «вселяло надежду, что философия в России еще жива и сможет возродиться после стольких лет господства ортодоксальной мысли».

Молодежная группа состояла из 30 человек, правда, активно занимающихся философскими исследованиями было гораздо меньше. Ибо в группу вошло около десятка преподавателей Высшей комсомольской школы (ВКШ), а также отвечающие за логистику представители советского оргкомитета конгресса; не обошлось и без комсомольских функционеров. Правда, все мы были моложе 35 и являлись горячими сторонниками политики обновления, гласности и открытости; нас объединяло неудержимое стремление к обновлению общества, и мы искренне верили в результативность перемен. Члены молодежной группы не являлись частью официальной советской делегации, которая в соответствии с протоколами МФФО включала всего 20 человек. Наша поездка была организована во многом как туристическая и наряду с Брайтоном мы также посетили Лондон, Кембридж и Оксфорд. В отличие от Брайтона, где мы были размещены в маленьком и недорогом отеле категории V&V (bed & breakfast), в других местах мы жили в студенческих общежитиях, где мы впервые увидели, в каких комфортных условиях живут студенты на Западе (в частности, в Великобритании). Для многих из нас это была первая поездка за границу или, по крайней мере, в то, что у нас тогда именовали выездом в капиталистическую страну, и мы с интересом – и порой удивлением – воспринимали всё увиденное. В местах, которые мы посещали, у нас было достаточно свободного времени, и мы могли свободно перемещаться по городу, посещать музеи, выставки и просто наблюдать за повседневной жизнью Запада. То был незабываемый опыт. И хотя после этого я побывала в сотне других стран и мне довелось пожить в Европе, а теперь и в США, тот бесценный опыт открытия и узнавания чего-то другого остался со мной навсегда.

Не все участники молодежной группы были включены в программу конгресса, но каждый из нас имел привилегии участников, и мы могли принимать участие во всех официальных мероприятиях конгресса. Насколько я помню, по крайней мере трое – Елена Петровская, Алексей Кара-Мурза и я – выступали на секциях, но вовсе не наши собственные выступления на международном философском форуме произвели на нас самое яркое впечатление. Пожалуй, самое глубокое воздействие на нас оказали выступления на конгрессе западных философов, имена которых нам были знакомы только по публикациям. Программа конгресса, проходившего под общей темой «Философское понятие человека», была очень насыщенной – и не только по количеству пленарных, секционных и других заседаний²¹, но также, и это, пожалуй, то, в чем состоит ценность подобных мероприятий, по концентрации присутствующих на нем мировых философских «звезд»²². В конгрессе принимали участие Поль Рикёр, Карл Поппер, Юрген Хабермас, Эмануэль Левинас, Эвандро Агацци, Дональд Дэвидсон, Энрике Дуссель, Майкл Даммит и многие другие. Помню, что мы в буквальном смысле

²⁰ Молодежная группа отправилась на конгресс по линии Комитета молодежных организаций СССР и при финансовой поддержке ЦК ВЛКСМ. Более подробно об этом см.: Корсаков 2009: 149.

²¹ Детальная Программа Конгресса приводится в вышеназванной статье: Корсаков 2009: 150–153.

²² Советская делегация тоже была очень представительной и включала наших лучших специалистов практически по всем философским дисциплинам. Подробно о составе советской делегации см.: Корсаков 2009: 153.

бегали с одного заседания на другое, пытаюсь не пропустить ключевых выступлений. К тому же Елена Петровская и я еще помогали с переводами – Лена с английским, а я с немецким – во время официальных встреч нашей делегации с западными коллегами. Было много и других встреч и бесед. Так, в Брайтоне мне посчастливилось познакомиться и отобедать с Полем Рикёром, а также быть приглашенной на неофициальную встречу с Юргеном Хабермасом. Хабермас мне даже подписал на память свою книгу, которая до сих пор занимает почетное место в моей домашней библиотеке. Это была первая прочитанная мною книга Хабермаса; она заставила меня всерьез задуматься о теме индивидуальности (и «Я») в немецком идеализме. После Брайтона я неоднократно встречалась с Хабермасом на различных конференциях, но я до сих пор помню ту первую встречу.

Следует отметить, что советские участники были весьма востребованными на конгрессе, и не только во время официальных секций и симпозиумов, но и после их окончания. И мы, молодежь, тоже вызвали интерес западных участников: к нам подходили, заговаривали, расспрашивали о нынешней ситуации в СССР, дарили свои публикации. Такое внимание окрыляло и придавало силы, давало ощущения включенности в профессиональное сообщество. Нужно признать, что у нас не было никаких иллюзий относительно нашего тогдашнего научного уровня, но общение в кулуарах конгресса как-то заряжало и настраивало на работу. Я помню, что по возвращении из Брайтона я прочитала все привезенные оттуда книги и оттиски статей, подаренные мне различными участниками конгресса, а потом заказала через ИНИОН десяток новых немецких книг по Гегелю и погрузилась в чтение...

Говоря о моем собственном профессиональном развитии, нельзя не упомянуть мою научную стажировку в Германии и Швейцарии в качестве стипендиата Фонда А. фон Гумбольдта в 1989–1990 годах. В Германии я занималась научной работой в Кёльнском университете, где я в целом провела год, с коротким интервалом, когда я возвращалась на несколько месяцев в Москву. Моим научным руководителем в Кёльне был немецкий историк философии Клаус Дюзинг (Klaus Düsing), входящий в число лучших мировых специалистов по Гегелю. Темой моего проекта была философия субъективности Гегеля. Материалы, наработанные в Кёльне, легли в основу моей докторской диссертации, которую я защитила в мае 1993 года, а также были опубликованы в качестве книги [Быкова 1996]. Полученная мною в 1990 году. Европейская стипендия позволила мне провести два месяца в Университете Цюриха (Швейцария), где я работала под руководством Ханса Брауна (Hans J. Braun) над проектом, посвященным проблематике субъекта и субъективности у Л. Фейербаха. Результаты научной работы были позже опубликованы в качестве статьи, а также оказались полезными для моих дальнейших исследований по Фейербаху, философией которого я продолжаю заниматься.

Формирующее значение моего пребывания в Кёльне и Цюрихе трудно переоценить. И сегодня, несколько десятилетий спустя, оглядываясь назад, я не могу не признать, что это дало замечательный старт моей карьере в качестве историка философии и исследователя немецкого идеализма, Гегеля и немецкой философии в целом. Научная стажировка за границей, и особенно в Германии, позволила мне не только наработать массу интересного материала, но и значительно улучшить мой немецкий. Так что под конец моего пребывания я уже могла довольно свободно писать на языке, что позволило мне сделать ряд докладов на специализированных конференциях и опубликовать несколько статей в немецкоязычных журналах и книгах. Все это дало существенный толчок в моем научном развитии, позволив нащупать и сформулировать перспективные темы исследования, а также апробировать новые интерпретации гегелевских концепций и философии в целом. Многими темами, которые мне удалось определить для себя в качестве перспективных, я продолжаю заниматься и сегодня.

С годами мои профессиональные и научные связи с Германией только развивались и укреплялись, и даже сейчас, когда я живу и работаю в США, я много времени провожу в Германии: меня часто приглашают в Германию с докладами, на конференции, а также и для более длительного пребывания в качестве приглашенного профессора и исследователя.

Мой переезд в США был во многом связан с семейными обстоятельствами, а именно с приглашением моего мужа, ученого-специалиста в области технических наук (также защитившегося в Москве), на работу в один из американских университетов. В 2000 году я получила профессию в Университете Северной Каролины в США, в котором я тружусь по сей день. Для меня – специалиста по немецкой философии, профессионально работающего на немецком языке, а также в традиции континентальной философии – строить профессиональную карьеру в англоязычной стране было непросто. И не только из-за языкового барьера (до этого мне никогда не приходилось преподавать и профессионально функционировать на английском), но, прежде всего, из-за существенных различий как в ментальности людей, так и в традициях академии и академической работы. Все американское было вначале непривычно и чуждо. Хотя мне всегда было интересно открывать для себя и познавать что-то новое. Сегодня, с высоты моего более чем двадцатилетнего стажа работы в американском университете, могу признаться, что, несмотря на трудности, опыт был очень полезным как в профессиональном, так и в личном плане. Американская академия²³ существенно отличается как от европейской, так и от российской – и по учебной нагрузке профессора, и по поддержке со стороны различных университетских структур, и по требованиям к научной работе. В США от университетского ординариуса ожидается высокая научная продуктивность и широкое национальное и международное признание, выражающееся не только в публикациях в ведущих изданиях и издательствах, но и в приглашениях возглавить профессиональные журналы и быть избранным в научные и консультационные советы различных международных научных организаций. Имея в виду, что в американской академии (как, впрочем, и во всех других областях жизни американского общества) существует немислимо жесткая конкуренция, здесь непросто быть успешным. Работать приходится много, напряженно и постоянно, но это держит в форме, заставляет критически смотреть на свои собственные результаты и все время расти и совершенствоваться.

Мне представляется, что мой путь в профессии является во многом характерным для моего философского поколения. Я имею в виду не только и не столько странствия по миру и работу сразу на нескольких языках и в различных традициях. Речь идет, прежде всего, о готовности к изменениям и способности неуклонно и настойчиво идти к своей цели, преодолевая все трудности и надеясь только на самого себя. При этом мы остаемся оптимистами (хотя и иногда оптимистами-романтиками), умеем радоваться жизни, сохранять в памяти ее значимые моменты и не забывать истинные ценности. И еще рано ставить точку в профессиональных достижениях моего философского поколения; наша творческая биография продолжается, как и связанная с ней страница в истории философской мысли в России.

XXVII съезд КПСС... 1986. *XXVII съезд КПСС: Материалы.* – М.: Политиздат.

²³ Слово «академия» (*academia*) в американском лексиконе означает систему высшего (главным образом, университетского) образования. Хотя в США и существуют разного рода академии, в том числе Американская академия искусств и наук (*American Academy of Arts and Sciences*), они являются чисто общественными, чаще профессиональными, союзами и организациями, а вовсе не какими-либо институализированными структурами. Членство в подобных академиях очень почетно и решается на основе прямого и единогласного (!) голосования всех ныне действующих членов, но оно рассматривается как знак признания определенных заслуг и достижений того или иного индивидуала в его профессии.

- Абалкин Л.И. 1986. *Курсом ускорения*. – М.: Политиздат.
- Байков В.Д. 2017. *Ленинградские хроники: от послевоенных 50-х до «лихих 90-х»*. – М.: Карамзин.
- Быкова М.Ф. 1996. *Мистерия логики и тайна субъективности. О замысле феноменологии и логики у Гегеля*. – М.: Наука.
- Быкова М.Ф., Синеокая Ю.В. 2021. Испытать жизнь сполна. [Интервью с М.Ф. Быковой]. – *Историко-философский ежегодник 2020*. – М.: Аквилон. – С. 283–322.
- Корсаков С.Н. 2009. XVIII Всемирный философский конгресс (Брайтон, 1988) в истории отечественной философии. – *Философские науки*. – № 5. – С. 146–158.
- Alter J. 1991. The Generation Game. – *Newsweek*. – 14 April.
- Brooks D. 2000. What's the Matter With Kids Today? Not a Thing. – *The New York Times*. – 5 November.
- Bilynskyj D.S. 2012. Saeculum. – *The Oxford Classical Dictionary* / Ed. by S. Hornblower, A. Spawforth, E. Eidinow. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press. – Доступно: <https://oxfordre.com/classics/view/10.1093/acrefore/9780199381135.001.0001/acrefore9780199381135-e-8233>. – Проверено: 22.11.2022.
- Collins R. 2002. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. 4th ed. – Cambridge, MA: Harvard University Press. (1st ed. 1998).
- Fernholz T. 2017. The pseudoscience that prepared America for Steve Bannon's apocalyptic message. – *Quartz*. – 27 May.
- Golitsyn A. 1984. *The Perestroika Deception [The World's Slide towards the Second October Revolution]*. – London; New York: Edward Harle.
- Hoover E. 2009. The Millennial Muddle: How stereotyping students became a thriving industry and a bundle of contradictions. – *The Chronicle of Higher Education, Inc.*, – 11 October.
- Jones G.L. Strauss W., Howe N. 1992. «Generations: The History of America's Future, 1584–2069» (Book Review). – *Perspectives on Political Science, Fall*. – Iss. 21. – Vol. 4. – P. 218.
- Kotkin St. 2001. *Armageddon Averted*. – Oxford: Oxford University Press.
- LaFeber W. 2002. *America, Russia, and the Cold War, 1945–2000*. New York: McGraw Hill.
- Lamb B. 1991. Generations: The History of America's Future. – *Booknotes*. – 14 April.
- Rickert H. 2013. *Die Probleme der Geschichtsphilosophie: eine Einführung*. 3rd ed. 1924. – (New ed. Berlin: Celtis Verlag)
- Rickert H. 1926. *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft (1899)*. 6. und 7. durchgesehene und ergänzte Aufl. – Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
- Ricoeur P. 1984–1988. *Time and Narrative (translation of «Temps et récit» 1983)* / Transl. by K. McLaughlin, D. Pellauer. – Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1984; Vol. 2. 1985; Vol. 3. 1988.
- Russel B. 1956. Logical Atomism (1924). – *Logic and Knowledge* / Ed. by R.C. Marsh. – London: Allen & Unwin. – P. 323–343.
- Strauss W., Howe N. 1991. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. – New York: William Morrow and Company, Inc..
- Strauss W., Howe N. 1993. *13th Gen: Abort, Retry, Ignore, Fail?* – New York: Vintage Books.
- Strauss W., Howe N. 1997. *The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. – New York: Broadway Books.
- Strauss W., Howe N. 2000. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. – Knopf Doubleday Publishing Group.
- Strauss W., Howe N. 2007. *Millennials & K-12 Schools: Educational Strategies for a New Generation*. – Great Falls: Life Course Associates.

White H. 1973. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe*. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

White H. 1987. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. – Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

Windelband W. 1915a. Kritische oder genetische Methode? (1883). – Windelband W. *Präludien*. – Vol. 2. – P. 99–135.

Windelband W. 1915b. Geschichte und Naturwissenschaft (1894). – Windelband W. *Präludien*. – Vol. 2. – P. 136–160.